

Дожди шли каждый день. Ночью уже ударили первые заморозки, а деревья все еще не сдавались — изредка в зелени сверкала какая-то отчаянная желтизна молодых кленов. Мы бодрились — отдых в такую погоду — это тоже отдых.

Каждый день бродил я по осеннему лесу, а где-то во мне все явственнее звучал голос Аллы Пугачевой: «За окном сентябрь провода качает, за окном с утра серый дождь стеной...». Вне сомнения, звучал именно ее голос, никакой другой. Спутать его с другими было невозможно. Подумалось тогда об удивительной особенности певицы неразрывно связывать, навсегда закреплять за собой песни, которые она спела хотя бы раз.

По вечерам я садился за магнитофон и восстанавливал в памяти беседу, состоявшуюся несколькими днями раньше. Беседовали мы долго, засиделись далеко за полночь, разговаривалось легко. И вот перед вами итог нескольких нетрудных осенних дней.

А. НИКИТИН

НЕСКОЛЬКО НЕТРУДНЫХ ДНЕЙ

ДЕНЬ ПЕРВЫЙ

ПРОЩАЙ, АРЛЕКИНО!

Устала она предельно — это было заметно даже со стороны. Только что закончился фестиваль Интервидения в Сопоте, вопрос о ее поездке на который решался до последнего момента. Только что она перенесла воспаление легких.

«Все было против меня», — скажет потом Алла. Но результат: вот он — Гран при фестиваля — янтарный соловей, напоминающий, по словам Аллы, кита в короне, покоится в черном бархате футляра.

— Пела я «Все могут короли» Рычкова и Дербенева, и именно «короли» принесли победу. Я ехала в Сопот и твердо знала, что с этой песней все будет в порядке — она уже известна в Польше, музыка ритмична, а текст... Текст очень талантлив, но ведь иноязычная аудитория. Поэтому чисто режиссерски я кое-что изменила. Тот жест, который обозначает корону и который я применяю обычно в конце песни, вынесла в самое начало, четко определив, о чем буду петь.

Алла продолжает рассказывать о Сопоте, о выступлениях других участников, а затем несколько неожиданно говорит: — А вообще-то больше я «королей», наверное, петь не буду. Не моя это песня...

«Вот тебе раз, — думаю я. — Казалось бы, это песня, неотделимая от образа Пугачевой, стоящая в одном ряду с «Арлекино», «Очень хорошо» и другими. И вдруг — не моя».

Алла между тем продолжает не торопясь, тщательно подбирая слова.

— Любый человек, певец в том числе, должен постоянно совершенствоваться, меняться, ставить перед собой новые задачи.

У меня с самого начала была потребность по-настоящему, предельно искренне высказаться. Говорить словами мне было все как-то негде, да и не с кем. Определенные вокальные данные были, и я с первых шагов на эстраде начала петь только то, что чувствую. Исповедь всегда прекрасно воспринималась слушателями. Другое дело, что сперва я людям о себе мало что интересного могла поведать. Когда я начала работать на сцене всерьез? Произошло это примерно в 1975 году, на Всесоюзном конкурсе артистов эстрады. Выступила с двумя песнями моего, как я считаю, амплуа — трагической и комической: «Ермолова с Чистых прудов» и «Посидим, поокаем». К этому времени и появилось чувство, что я реально могу воплотить в словах и музыке то, что хочу сказать людям.

Но даже в этот период я каждый раз представляла перед зрителем как бы в маске: с каждой песней менялся образ — то Арлекино, то наивная русская девушка, то лирическая героиня, то трагический персонаж.

И только сейчас, когда большая часть моей программы состоит из песен-монологов, я почти сняла маску и исполняю все песни от собственного лица. Я не отрешиваюсь от моих старых песен — в них очень много вложено и связано с ними немало хорошего. Тот же «Арлекино» — да, я после «Золотого Орфея», где с ним победила, услышала такие слова, которых, может быть, до сих пор не слышу. Но мне кажется, что я сейчас могу дать зрителю больше, чем раньше.

Каждый концерт я начинаю обращени-

ем к зрителям, которое звучит примерно так: главное, чтобы мы были сегодня предельно откровенны. Не воспринимайте меня как певичку, постарайтесь принять меня как человека. То, что я пою, — это мое, но мне бы очень хотелось, чтобы к концу концерта это стало и вашим.

Вы знаете, чем я заканчиваю свои концерты? «Песенкой про меня», одной из двух своих любимых на сегодня песен (вторая — «Женщина, которая поет», но о ней разговор впереди).

Это не «биссовка», типа «Эх-ма, тру-ля-ля», которой певцы так любят заканчивать концерты, да еще ансамблю почтаскывают, чтобы ритмом спровоцировал овацию. Я знаю, что, если бы этой песней начинала, был бы элемент натяжки, «красивости» — вот меня никто не понимает, а так хочется быть понятой. Нет, к этой песне я подвожу в течение всего концерта, и в конце концов она воспринимается залом так, как задумывалось мною. Хотелось бы этого достигать всегда, говорить с людьми на одном языке — языке песни, но пока об этом можно только мечтать, и то, чего я не договариваю в песне, я пытаюсь досказать словами в ходе ведения концерта. Я ведь сама их веду, и это многим непривычно и непонятно. Слышала я мнения, что кое-чего говорить бы не следовало, а если и говорить, то надо это делать более «литературно». Но тут нужно еще раз сказать, что концерт у меня идет предельно откровенно, должна существовать непосредственная связь сцены и зала. Ведь иная фраза и не претендует на вечность, а имеет ситуативное, конкретное значение. Я уверена, что большая часть зрителей мне многое

прощает, ибо видит, как, в какой ситуации у меня рождаются те или иные слова. Может быть, мои фразы построены не по классическим законам, но они идут от сердца.

На сцену я себя готовлю, как готовятся в будни к празднику, концерт — это труд, но труд радостный. Те, кто ходит на мои концерты, может быть, заметили, что манера моя изменилась. Я уже говорила, что у меня сейчас другая программа, соответственно ей и другие краски поведения на сцене.

Помолчали. А потом Алла белозубо улыбнулась, тряхнула роскошными волосами:

— Кто знает, может быть, тем, кто видел меня раньше, — в другом репертуаре, в другой манере, больше повезло. Вдруг это уже никогда не повторится... Месяца через три выйдет диск-гигант «Арлекино и другие» — там собраны все песни, выпущенные раньше на маленьких грампластинках. Это будет подарок тем, кто помнит и любит меня прежней.

Как же меня плохо знают, — вздохнув, тихо добавила она. — Нужно больше ездить, больше выступать. Только сцена, только непосредственный контакт с залом — тогда, может быть, мы достигнем настоящего родства душ — я и зрители. Но я знаю, сейчас очень трудно достать билеты на мой концерт.

— Это точно, — грустно подумал я. И еще подумал, что, может быть, больше всех повезло все-таки мне. Было это лет 5—6 назад, тогда только что вошла эстрада Карцева и Ильченко и они давали одни из своих первых сольных концертов в Москве. С боем взяв билеты, мы с приятелем примчались в киноконцертный зал «Октябрь», и только тут выяснилось, что концерт не вполне сольный. Проворные организаторы «прицепили» к одесситам двух молодых певцов, которые и занимали все первое отделение. Певцами этими были Юлий Слободкин и Алла Пугачева. Они пели порознь и вместе, весело и грустно, громко и не очень. В зале царил тягостная тишина, прерываемая жидкими аплодисментами. Мы с трудом дождалась конца их выступления и во втором отделении получили то, за чем пришли.

Каким же сильным характером, какой верой в себя надо обладать, чтобы самой сломать стену равнодушия, инерцию полудач, найти свой репертуар, манеру — все то, что сейчас делает Пугачеву явлением уникальным на современной эстраде. Кто это сейчас сможет отрицать?

— Мой главный враг — предвзятость, — убежденно сказала Алла.

Дожди шли каждый день. Ночью уже ударили первые заморозки, а деревья все еще не сдавались — изредка в зелени сверкала какая-то отчаянная желтизна молодых кленов. Мы бодрились — отдых в такую погоду — это тоже отдых.

Каждый день бродил я по осеннему лесу, а где-то во мне все явственнее звучал голос Аллы Пугачевой: «За окном сентябрь провода качает, за окном с утра серый дождь стеной...». Вне сомнения, звучал именно ее голос, никакой другой. Спутать его с другими было невозможно. Подумалось тогда об удивительной особенности певицы неразрывно связывать, навсегда закреплять за собой песни, которые она спела хотя бы раз.

По вечерам я садился за магнитофон и восстанавливал в памяти беседу, состоявшуюся несколькими днями раньше. Беседовали мы долго, засиделись далеко за полночь, разговаривалось легко. И вот перед вами итог нескольких нетрудных осенних дней.

Л. НИКИТИН

НЕСКОЛЬКО НЕТРУДНЫХ ДНЕЙ

ДЕНЬ ПЕРВЫЙ

ПРОЩАЙ, АРЛЕКИНО!

Устала она предельно — это было заметно даже со стороны. Только что закончился фестиваль Интервидения в Сопоте, вопрос о ее поездке на который решался до последнего момента. Только что она перенесла воспаление легких.

«Все было против меня», — скажет потом Алла. Но результат: вот он — Гран-при фестиваля — янтарный соловей, напоминающий, по словам Аллы, кита в короне, покоится в черном бархате футляра.

— Пела я «Все могут короли» Рычкова и Дербенева, и именно «короли» принесли победу. Я ехала в Сопот и твердо знала, что с этой песней все будет в порядке — она уже известна в Польше, музыка ритмичная, а текст... Текст очень талантлив, но ведь иноязычная аудитория. Поэтому чисто режиссерски я кое-что изменила. Тот жест, который обозначает корону и который я применяю обычно в конце песни, вынесла в самое начало, четко определив, о чем буду петь.

Алла продолжает рассказывать о Сопоте, о выступлениях других участников, а затем несколько неожиданно говорит: — А вообще-то больше я «королей», наверное, петь не буду. Не моя это песня...

«Вот тебе раз, — думаю я. — Казалось бы, это песня, неотделимая от образа Пугачевой, стоящая в одном ряду с «Арлекино», «Очень хорошо» и другими. И вдруг — не моя».

Алла между тем продолжает не торопясь, тщательно подбирая слова.

— Любой человек, певец в том числе, должен постоянно совершенствоваться, меняться, ставить перед собой новые задачи.

У меня с самого начала была потребность по-настоящему, предельно искренне высказаться. Говорить словами мне было все как-то негде, да и не с кем. Определенные вокальные данные были, и я с первых шагов на эстраде начала петь только то, что чувствую. Исповедь всегда прекрасно воспринималась слушателями. Другое дело, что сперва я людям о себе мало что интересного могла поведать. Когда я начала работать на сцене всерьез? Произошло это примерно в 1975 году, на Всесоюзном конкурсе артистов эстрады. Выступила с двумя песнями моего, как я считаю, амплуа — трагической и комической: «Ермолова с Чистых прудов» и «Посидим, поокаем». К этому времени и появилось чувство, что я реально могу воплотить в словах и музыке то, что хочу сказать людям.

Но даже в этот период я каждый раз представляла перед зрителем как бы в маске: с каждой песней менялся образ — то Арлекино, то наивная русская девушка, то лирическая героиня, то трагический персонаж.

И только сейчас, когда большая часть моей программы состоит из песен — монологов, я почти сняла маску и исполняю все песни от собственного лица. Я не отрешиваюсь от моих старых песен — в них очень много вложено и связано с ними немало хорошего. Тот же «Арлекино» — да я после «Золотого Орфея», где с ним победила, услышала такие слова, которых, может быть, до сих пор не слышу. Но мне кажется, что я сейчас могу дать зрителю больше, чем раньше.

Каждый концерт я начинаю обрабаци-

ем к зрителям, которое звучит примерно так: главное, чтобы мы были сегодня предельно откровенны. Не воспринимайте меня как певицу, постарайтесь принять меня как человека. То, что я пою, — это мое, но мне бы очень хотелось, чтобы к концу концерта это стало и вашим.

Вы знаете, чем я заканчиваю свои концерты? «Песенкой про меня», одной из двух своих любимых на сегодня песен (вторая — «Женщина, которая поет», но о ней разговор впереди).

Это не «биссовка», типа «Эх-ма, тру-ля-ля», которой певцы так любят заканчивать концерты, да еще ансамблю подсказывают, чтобы ритмом спровоцировал овацию. Я знаю, что, если бы этой песней начинала, был бы элемент натяжки, «красивости» — вот меня никто не понимает, а так хочется быть понятой. Нет, к этой песне я подвожу в течение всего концерта, и в конце концов она воспринимается залом так, как задумывалось мною. Хотелось бы этого достигать всегда, говорить с людьми на одном языке — языке песни, но пока об этом можно только мечтать, и то, чего я не договариваю в песне, я пытаюсь досказать словами в ходе ведения концерта. Я ведь сама их веду, и это многим непривычно и непонятно. Слышала я мнения, что кое-чего говорить бы не следовало, а если и говорить, то надо это делать более «литературно». Но тут нужно еще раз сказать, что концерт у меня идет предельно откровенно, должна существовать непосредственная связь сцены и зала. Ведь иная фраза и не претендует на вечность, а имеет сиюминутное, конкретное значение. Я уверена, что большая часть зрителей мне многое

прощает, ибо видит, как, в какой ситуации у меня рождаются те или иные слова. Может быть, мои фразы построены не по классическим законам, но они идут от сердца.

На сцену я себя готовлю, как готовятся в будни к празднику, концерт — это труд, но труд радостный. Те, кто ходит на мои концерты, может быть, заметили, что манера моя изменилась. Я уже говорила, что у меня сейчас другая программа, соответственно ей и другие краски поведения на сцене.

Помолчали. А потом Алла белозубо улыбнулась, тряхнула роскошными волосами:

— Кто знает, может быть, тем, кто видел меня раньше, — в другом репертуаре, в другой манере, больше повезло. Вдруг это уже никогда не повторится... Месяца через три выйдет диск-гигант «Арлекино и другие» — там собраны все песни, выпущенные раньше на маленьких грампластинках. Это будет подарок тем, кто помнит и любит меня прежней.

Как же меня плохо знают, — вздохнув, тихо добавила она. — Нужно больше ездить, больше выступать. Только сцена, только непосредственный контакт с залом — тогда, может быть, мы достигнем настоящего родства душ — я и зрители. Но я знаю, сейчас очень трудно достать билеты на мой концерт.

— Это точно, — грустно подумал я. И еще подумал, что, может быть, больше всех повезло все-таки мне. Было это лет 5—6 назад, тогда только что взойшла звезда Карцева и Ильченко и они давали одни из своих первых сольных концертов в Москве. С боем взяв билеты, мы с приятелем примчались в киноконцертный зал «Октябрь», и только тут выяснилось, что концерт не вполне сольный. Проворные организаторы «прицепили» к одесситам двух молодых певцов, которые и занимали все первое отделение. Певцами этими были Юрий Слободкин и Алла Пугачева. Они пели порознь и вместе, весело и грустно, громко и не очень. В зале царил тягостная тишина, прерываемая жидкими аплодисментами. Мы с трудом дождались конца их выступления и во втором отделении получили то, за чем пришли.

Каким же сильным характером, какой верой в себя надо обладать, чтобы самой сломать стену равнодушия, инерцию полудач, найти свой репертуар, манеру — все то, что сейчас делает Пугачеву явлением уникальным на современной эстраде. Кто это сейчас сможет отрицать?

— Мой главный враг — предвзятость, — уверенно сказала Алла.

42 ОКТ 1976

МОСКОВСКИЙ ГОЛОСОМОНЕТ
МОСКВА